

интеллектуальный бестселлер

ПОГРЕБЕННЫЙ ВЕЛИКАН

КАДЗУО
ИСИГУРО

«Погребенный великан» напрямую ставит вопрос, чем мы готовы заплатить за комфортное коллективное беспамятство».

– Галина Юзефович, литературный критик

Кадзуо Исигуро

Погребенный великан

Серия «Интеллектуальный бестселлер»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17033714

Погребенный великан / Кадзуо Исигуро ; [пер. с англ. М. Нуянзиной].:

Эксмо; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-85739-5

Аннотация

Каждое произведение Кадзуо Исигуро – событие в мировой литературе. Его романы переведены более чем на сорок языков. Тиражи книг «Остаток дня» и «Не отпускай меня» составили свыше миллиона экземпляров.

«Погребенный великан» – роман необычный, завораживающий.

Автор переносит нас в средневековую Англию, когда бритты воевали с саксами, а землю окутывала хмарь, заставляющая забывать только что прожитый час так же быстро, как утро, прожитое много лет назад.

Пожилая пара, Аксель и Беатриса, покидают свою деревушку и отправляются в полное опасностей путешествие – они хотят найти сына, которого не видели уже много лет.

Исигуро рассказывает историю о памяти и забвении, о мести и войне, о любви и прощении.

Но главное – о людях, о том, как все мы по большому счету одиноки.

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	38
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Кадзуо Исигуро

Погребенный великан

Kazuo Ishiguro

The Buried Giant

Copyright © 2015 Kazuo Ishiguro Copyright © Photo by Jeff
C.

Перевод с английского *Марии Нуянзиной*

Часть первая

Глава 1

Извилистую тропинку или сонный луг, которыми Англия позже прославилась, вам пришлось бы еще поискать. Вместо них на многие мили вокруг расстилались земли пустынные и невозделанные, изредка перемежавшиеся неторными тропами по скалистым горам или мрачным заболоченным пуштошам. Дороги, оставшиеся от римлян, к тому времени в основном либо превратились в сплошные колдобины, либо заросли травой, часто уводя в глухомань и там обрываясь. Над речками и болотами нависал ледяной туман – прекрасное убежище для огров¹, которые в те времена чувствовали себя в этих краях как дома. Люди, жившие по соседству, – остается только догадываться, какое отчаяние заставило их поселиться в таких мрачных местах, – наверняка боялись этих тварей, чье тяжелое дыхание раздавалось из хмари за-долго до появления их безобразных туловищ. Но чудовища эти потрясений не вызывали. Наткнуться на огра считалось делом вполне обыденным, так как в те времена было множе-

---

¹ Великаны-людоеды в кельтской мифологии. В противоположность троллям, которые селятся в горах, живут в лесах и на болотах. *(Здесь и далее прим. перев.)*

ство других поводов для волнений: как извлечь пропитание из каменистой почвы, как не остаться без дров для очага, как остановить хворь, которая может всего за один день прикончить дюжину свиней или раскрасить детские щечки зеленоватой сыпью.

В общем, огры больших неприятностей не доставляли, если, конечно, их не беспокоить. Приходилось мириться с тем, что время от времени, возможно, после какой-нибудь таинственной распри с сородичами, разъяренное чудовище вваливалось в деревню и, сколько ни кричи и ни потрясай оружием, бушевало, увеча любого, кто не успел убраться с его пути. Иногда же огр утаскивал в хмарь ребенка. В те времена приходилось философски относиться к подобным бесчинствам.

В одном подобном месте – на краю огромного болота в тени островерхих гор – жили-были пожилые супруги Аксель и Беатриса. Возможно, их звали не совсем так или имена не были полными, но усложнять ни к чему, и именно так мы и будем их называть. Я мог бы сказать, что супруги эти вели жизнь уединенную, но в те дни мало кому удавалось жить «уединенно» в том или ином привычном для нас смысле. В поисках тепла и защиты крестьяне жили в укрытиях, многие из которых были вырыты в склоне холма, соединяясь друг с другом глубокими подземными переходами и крытыми коридорами. Наши пожилые супруги жили в одной из таких разросшихся нор – назвать это домом было бы слиш-

ком большим преувеличением – вместе с примерно шестью десятками других обитателей. Если выйти из норы и минут двадцать идти вокруг холма, можно было дойти до следующего поселения, и, на ваш взгляд, оно бы ничем не отличалось от предыдущего. Но сами жители указали бы на множество отличий, служивших поводом для их гордости или стыда. Мне совсем не хочется создавать у вас впечатление, что в те времена в Британии ничего другого не было, что в эпоху, когда в мире пышным цветом цвели великолепные цивилизации, мы только-только выбрались из железного века. Будь у вас возможность перемещаться по всей стране в мгновение ока, вы, разумеется, обнаружили бы замки с музыкой, изысканными яствами, спортивными состязаниями или монастыри, чьи обитатели с головой ушли в науку. Но ничего не поделаешь. Даже на крепкой лошади в хорошую погоду можно было скакать дни напролет и не увидеть на зеленых просторах ни замка, ни монастыря. В большинстве случаев вы обнаружили бы поселения, подобные вышеописанному, и, если у вас не было лишней еды или одежды, чтобы принести в дар, или вы не были вооружены до зубов, вам вряд ли можно было рассчитывать на теплый прием. Жаль рисовать нашу страну настолько неприглядной, но дела обстояли именно так.

Но вернемся к Акселю и Беатрисе. Как я уже сказал, пожилые супруги жили на самом краю норы, где их кров был мало защищен от непогоды и куда почти не доходило тепло

от костра в большом зале, где все обитатели собирались по вечерам. Возможно, было время, когда они жили ближе к огню, — время, когда они жили со своими детьми. Собственно, именно об этом подумалось Акселю, когда в смутный пред-рассветный час он лежал в постели с крепко спящей подле него женой, и сердце его сжималось от необъяснимого чувства потери, мешая вернуться ко сну.

Возможно, в том и была причина, почему именно в то утро Аксель окончательно встал с постели и тихо выскользнул наружу, чтобы сесть на стоявшую у входа в нору старую покосившуюся скамейку в ожидании первых лучей солнца. Уже пришла весна, но воздух по-прежнему обжигал морозом, не помог даже плащ Беатрисы, который Аксель накинул по пути. Однако он был настолько погружен в свои мысли, что, когда понял, как сильно замерз, звезды уже успели погаснуть, на горизонте занималась заря, а из сумрака слышались первые звуки птичьих трелей.

Аксель медленно встал, сожалея, что так долго просидел на холоде. На здоровье он не жаловался, но не так давно он переболел лихорадкой, оправиться от которой получилось далеко не сразу, и ему не хотелось снова захворать. Ноги у Акселя онемели от сырости, но, уже повернувшись, чтобы вернуться в жилище, он понял, что вполне доволен, потому что этим утром ему удалось вспомнить несколько вещей, которые уже давно от него ускользали. Более того, ему казалось, что он вот-вот примет какое-то важное решение — из

тех, что уже очень долго откладывались, — и внутри у него разгорелось возбуждение, которым ему захотелось поделиться с женой.

В коридорах внутри норы было по-прежнему совершенно темно, и небольшое расстояние до двери в свою комнату Акселью пришлось преодолеть на ощупь. Дверями в норе часто служили арки, отделявшие комнаты от коридора. Открытость такого обустройства вовсе не казалась насельникам покушением на их личное пространство, ведь благодаря этому в комнаты попадало тепло, расходившееся по коридорам от большого костра или костров поменьше, какие разрешалось жечь в норе. Однако, поскольку комната Акселя и Беатрисы находилась слишком далеко от какого бы то ни было костра, там было нечто, что мы могли бы признать за настоящую дверь, — большая деревянная рама с привязанными к ней крест-накрест ветками, вьющимися лозами и чертополохом, которую всякий раз, входя или выходя, приходилось откидывать в сторону, но которая не пускала внутрь холодные сквозняки. Аксель был бы счастлив обойтись без этой двери, но со временем она стала для Беатрисы предметом особой гордости. По возвращении он часто заставлял жену за выдерживанием из этого сооружения пожухших побегов и заменой их на свежие, собранные накануне.

Этим утром Аксель приподнял загородку ровно настолько, чтобы протиснуться внутрь, стараясь шуметь как можно меньше. Тем временем сквозь щели во внешней стене в ком-

нату потек свет ранней зари. Ему удалось разглядеть очертания собственной руки, а на земляной кровати – силуэт Беатрисы, по-прежнему крепко спавшей под толстыми одеялами.

Акселя мучило искушение разбудить жену. Он был почти уверен, что, если бы в этот миг она бодрствовала и говорила с ним, какие бы препятствия ни оставались между ним и его решением, они бы окончательно рухнули. Однако до всеобщего пробуждения и начала рабочего дня оставалось еще немного времени, поэтому он уселся на низкий табурет в углу комнаты, продолжая кутаться в женин плащ.

Акселю стало любопытно, насколько густой окажется утренняя хмарь и не увидит ли он с рассветом, что она сочится сквозь трещины прямо к ним в комнату. Но потом его мысли поплыли прочь, обратно к тому, что их занимало. Всегда ли они жили вот так, вдвоем, на отшибе от остальных? Или когда-то все было по-другому? Откуда-то извне к Акселю вернулись обрывки воспоминаний: краткий миг, когда он шел по длинному главному коридору норы, обняв за плечи одного из своих детей, при этом он слегка прихрамывал, но не из-за возраста, как сейчас, а просто потому, что старался в полумраке не удариться головой о балки. Наверное, ребенок только что говорил с Акселем, рассказал ему что-то забавное, и они оба смеялись. Но теперь, совсем как тогда, когда он сидел снаружи, у него в голове все кружилось, и чем больше он пытался сосредоточиться, тем бледнее становились обрывки воспоминаний. Возможно, это были всего

лишь видения старого дурака. Может, дело было в том, что Господь так и не дал им детей.

Вы спросите, почему Аксель не обратился к соседям по деревне, чтобы те помогли ему вспомнить все, но это было не так просто, как могло показаться на первый взгляд. Потому что у них в общине прошлое обсуждали редко. Я не хочу сказать, что на него было наложено табу. Просто оно каким-то образом растворилось в хмари, такой же густой, как та, что висела над болотами. Жителям деревни просто не приходило в голову думать о прошлом, даже самом недавнем.

Вот, например, что долго не давало Акселю покоя: он был уверен, что не так давно среди них жила женщина с длинными рыжими волосами и что в деревне ее очень почитали. Стоило кому-нибудь пораниться или заболеть, тут же посылали за рыжеволосой, которая была сведуща во врачевании. Но теперь женщины пропал и след, и никто, похоже, не стремился узнать, что с нею случилось, и даже не выказывал сожаления о ее отсутствии. Когда однажды утром Аксель заговорил о ней с тремя соседями, вместе с которыми разбивал в поле мерзлые комья земли, их ответ убедил его, что они искренне не понимают, кого он имеет в виду. Один даже прервал работу, силясь вспомнить, но в конце концов покачал головой:

– Наверное, это было очень давно.

– Я тоже не помню такой женщины, – сказала Беатриса, когда он однажды вечером заговорил с ней об этом. – Может

быть, Аксель, ты намечтал ее себе для собственной нужды, хотя у тебя под боком жена, чья спина будет попрямее твоей.

Разговор этот случился прошлой осенью, и супруги лежали рядом на кровати в кромешной тьме, слушая, как по их кровле барабанит дождь.

– Верно, ты с годами почти не постарела, принцесса. Но та женщина – никакая не выдумка, и ты сама ее вспомнишь, если чуть призадумашься. Не далее как месяц тому назад она стояла у нашей двери, добрая душа, и спрашивала, не принести ли нам чего. Ты точно это помнишь.

– Но с чего это ей вздумалось что-нибудь нам принести? Она что, нам родня?

– Не думаю, принцесса. Она просто была добра. Ты не можешь не помнить. Она часто подходила к нашей двери спросить, не замерзли ли мы и не голодны ли.

– А почему она именно к нам приставала со своей добротой?

– Я сам тогда об этом подумал, принцесса. Помнится, я говорил себе: вот женщина, чья забота – лечить больных, а ведь наше с тобой здоровье ничуть не хуже, чем у любого из деревни. Может, поговаривают о приближении чумы, и она пришла нас осмотреть? Но выяснилось, что никакой чумы нет и в помине и что она просто была к нам добра. Сейчас, когда мы заговорили о ней, мне вспоминается еще больше. Она стояла вон там и говорила, чтобы мы не обращали внимания на то, как дети нас обзывают. Вот и все. И с тех пор

мы больше ее не видели.

– Эта рыжеволосая женщина не просто плод твоих снов, Аксель, она к тому же дура, потому что ее волнуют дети да детские забавы.

– Именно так я тогда и подумал, принцесса. Какой вред могут причинить нам дети, которые всего лишь укрылись от бушующей за стеной непогоды. Я сказал ей, что мы даже не обратили на них внимания, но она все повторяла то же самое. И еще я помню, как она жалела, что нам приходится коротать ночи без свечи.

– Если это создание пожалело нас за то, что у нас нет свечи, – ответила Беатриса, – по крайней мере, она хоть в чем-то оказалась права. Какое оскорбление лишать нас свечи в такие темные ночи, когда руки у нас ничуть не слабее, чем у любого другого. И это при том, что некоторые из тех, у кого свечи есть, валяются каждую ночь пьяные от сидра, или у них есть дети, которые частенько устраивают кавардак. Но свечу-то забрали у нас, и теперь я едва вижу твой силуэт, Аксель, хоть ты и сидишь прямо рядом со мной.

– Никто не хотел оскорбить нас, принцесса. Так уж все устроено с начала начал, вот и все.

– По крайней мере, не только женщине из твоего сна кажется странным, что у нас забрали свечу. Вчера или позавчера, не помню точно, я ходила на реку и прошла мимо прачек, которые говорили – можешь поверить, я слышала их разговор, когда они думали, что я уже далеко, – какой это позор,

что такие достойные супруги, как мы, вынуждены каждую ночь сидеть в темноте. Так что не только приснившаяся тебе женщина так думает.

– Говорю тебе, принцесса, она мне не приснилась. Еще месяц назад все здесь были с ней знакомы и готовы были перемолвиться с ней добрым словом. Что же это такое, отчего все, даже ты, забыли, что она здесь жила?

Весенним утром, вспоминая тот разговор, Аксель был почти готов признать, что ошибался насчет рыжеволосой. В конце концов, он был всего лишь стариком, у которого временами ум за разум заходит. Однако тот случай с рыжеволосой был всего лишь одним из длинной вереницы похожих загадочных происшествий. К своему отчаянию, он не мог сразу вспомнить еще примеры, но их, несомненно, было множество. Вот взять хоть историю с Мартой.

В деревне была девочка лет девяти-десяти, которая славилась бесстрашным нравом. Сколько бы сказок ни рассказывали ей о том, что бывает с заблудившимися детьми, ее тяга к приключениям не ослабевала. Поэтому однажды вечером – до заката оставалось меньше часа, уже напелзала хмарь, и на склонах гор слышался волчий вой, – когда кто-то пустил слух, что Марта пропала, все в тревоге побросали свои дела. Ее долго окликали по всей норе, а по коридорам раздавались шаги селян, обыскивавших каждую спальную комнату, кладовые, пустоты за стропильными балками, каждый укромный уголок, куда девочка могла бы забраться из шалости.

Потом, в самый разгар паники, в большой зал вошли два пастуха, вернувшиеся со смены в горах, и сели греться у очага. Пока они грелись, один из них объявил, что накануне они видели, как у них над головой пролетел крапивник, сначала один раз, потом второй, потом третий. Никакой ошибки, это действительно был крапивник. Слух быстро облетел нору, и вскоре вокруг очага собралась целая толпа, чтобы послушать пастухов. Даже Аксель поспешил туда, потому что появление у них в краях крапивника было большой новостью. Помимо прочего крапивникам приписывали способность отпугивать волков, и, если верить молве, стоило им где-нибудь появиться, как волки в тех краях исчезали напрочь.

Поначалу пастухов забрасывали вопросами и заставляли повторять рассказ снова и снова. Но постепенно слушателей стали одолевать сомнения. Кто-то заметил, что похожие истории рассказывали уже много раз, но они постоянно оказывались выдумками. Другой заявил, что не далее как весной прошлого года те же пастухи рассказывали то же самое, но птиц никто так и не видел. Пастухи сердито отрицали, что когда-нибудь раньше приносили подобные вести, и вскоре толпа разделилась на тех, кто занял сторону пастухов, и тех, кто якобы помнил, как в прошлом году произошел похожий случай.

В разгар ссоры у Акселя возникло знакомое ноющее чувство, будто что-то идет не так, и, выбравшись из крика и давки, он вышел наружу посмотреть на темнеющее небо и сте-

лющуюся по земле хмарь. Через какое-то время обрывки в его сознании стали складываться в единое целое, вызывая в памяти пропавшую Марту, опасность и то, как совсем недавно все были заняты поисками девочки. Но эти воспоминания тут же спутывались, совсем как сон спустя пару секунд после пробуждения, и Аксель удержал мысль о маленькой Марте только великим усилием воли, а тем временем голоса у него за спиной все спорили о крапивнике. Потом, не сходя с места, он услышал детский голосок, напевавший песенку, и увидел, как перед ним из хмари вынырнула Марта.

– Ну и странная же ты девочка, дитя мое, – сказал Аксель, когда она вприпрыжку подошла к нему. – Разве ты не боишься темноты? Или волков с ограми?

– О, сэр, я их боюсь, – ответила она с улыбкой, – но я умею от них прятаться. Надеюсь, родители про меня не расспрашивали. На прошлой неделе я нашла отличный тайник.

– Не расспрашивали? Разумеется, расспрашивали. Разве вся деревня тебя не ищет? Послушай, какой внутри переполох. Это все из-за тебя, дитя мое.

Марта рассмеялась:

– О, сэр, перестаньте! Я знаю, что они меня не хватились. И вовсе не обо мне там кричат.

Стоило ей это сказать, как Аксель понял, что девочка права: голоса внутри спорили вовсе не о ней, а о чем-то, не имевшем к ней никакого отношения. Он нагнулся к дверному проему и прислушался – и, уловив в гуле возбужденных

голосов отдельную фразу, вспомнил о пастухах с крапивником. Пока он раздумывал, следует ли объяснить Марте, в чем, собственно, дело, она вдруг прошмыгнула мимо него и вошла внутрь.

Аксель последовал за ней, предвкушая облегчение и радость, которые вызовет ее появление. И, говоря по правде, ему пришло в голову, что если он вернется вместе с ней, то ее благополучное возвращение будет признано немного и его заслугой. Но, когда они вошли в большой зал, собравшиеся были по-прежнему поглощены спором о пастухах, и почти никто даже не взглянул в их сторону. Мать Марты вышла из толпы ровно на столько времени, сколько потребовалось, чтобы сделать внушение чаду: «Вот ты где! Чтобы не смела больше так пропадать! Сколько повторять нужно?» – и тут же вернулась обратно к кипевшему вокруг очага спору. Марта одарила Акселя широкой усмешкой: «Что я говорила?» – и исчезла в сумраке искать товарищей по играм.

В комнате посветлело. Спальня супругов находилась у внешней стены норы, и в ней было маленькое окошко, хотя и расположенное слишком высоко, чтобы в него можно было выглянуть, не вставая на табурет. Сейчас оно было завешано тряпкой, но ранний солнечный луч пробился сквозь уголок, бросив на спящую Беатрису полосу света. Луч зацепил нечто вроде насекомого, парившего в воздухе прямо над головой пожилой женщины. Чуть погодя Аксель понял, что это паучок, повисший на невидимой отвесной нити и пря-

мо под его взглядом размеренно скользящий вниз. Бесшумно поднявшись, Аксель пересек комнатушку и провел рукой в пустоте над спящей женой, поймав паука в ладонь. И постоял немного, глядя на Беатрису. На ее лице застыло умиротворение, которое ему все реже доводилось видеть, когда она бодрствовала, и, созерцая его, он внезапно задохнулся от счастья, что немало его удивило. И тогда Аксель понял, что решение принято, и ему снова захотелось ее разбудить, просто для того, чтобы поделиться новостью. Но поступить так было бы эгоистично, и, кроме того, как он мог быть настолько уверен в том, как она к этому отнесется? Наконец он тихо вернулся к табуретке и, усаживаясь обратно, вспомнил про паучка – и осторожно раскрыл ладонь.

Дожидааясь рассвета на скамейке у входа, Аксель пытался вспомнить, как им с Беатрисой впервые пришла в голову мысль о путешествии. Ему даже показалось, что он вспомнил разговор, который они вели как-то ночью в этой самой комнате, но теперь, наблюдая за паучком, прыгнувшим с ребра его ладони прямо на земляной пол, Аксель отчетливо понял, что впервые они заговорили о нем в тот день, когда в деревню забрела странница в черных лохмотьях.

Дело было серым утром – неужто так давно, в ноябре прошлого года? – и Аксель мерил широкими шагами бегущую вдоль берега реки тропу под пологом из нависших ив. Он спешил с поля обратно в нору – возможно, чтобы захватить какой-то инструмент или за новым поручением мастера. Как

бы то ни было, его остановил многоголосый крик из-за кустов справа от тропы. Сразу же подумав об ограх, Аксель быстро огляделся в поисках камня или палки. Но тут же понял, что хоть голоса – все до единого женские – и были злыми и возбужденными, но в них не было обычного при нападении огров ужаса. Тем не менее Аксель решительно двинулся сквозь заросли можжевельника и выбрался на прогалину, где увидел сбившихся в кучу пятерых женщин – не первой молодости, но еще не вышедших из детородного возраста. Ему были видны только их спины и слышны крики, обращенные куда-то вдаль. Он уже почти поравнялся с ними, прежде чем одна из женщин его заметила, вздрогнув, но остальные обернулись на него чуть ли не с пренебрежением.

– Ну-ну, – сказала одна из них. – Наверное, это судьба или еще чего. Но раз пришел ее муж, есть надежда, что он приведет ее в чувство.

Женщина, которая увидела его первой, сказала:

– Мы говорили вашей жене не ходить туда, но она не послушалась. Она вбила себе в голову отнести страннице еды, хотя, вернее всего, это дьявол или того хуже – ряженный эльф.

– Моя жена в опасности? Дамы, прошу вас, объяснитесь.

– Здесь все утро бродит странная женщина, – вступила другая. – Волосы ниже плеч, плащ из черных лохмотьев. Она заявила, что она из саксов, но мы никогда не видели, чтобы саксы так одевались. Она пыталась подобраться к нам на берегу, когда мы занимались стиркой, но мы вовремя увиде-

ли ее и отогнали подальше. Но она все время возвращалась обратно и вела себя так, словно ее изводит какое-то горе, и иногда просила у нас еды. Мы уверены, что все это время она направляла свои чары прямо на вашу жену, сэр, потому что нам дважды за утро пришлось удерживать Беатрису за руки, так ей хотелось подойти к дьяволу. А теперь она вырвалась и пошла к старому терновнику, где тот ее дожидается. Мы удерживали ее, как могли, сэр, но, видно, в нее уже проникла дьявольская сила, потому что неестественно для женщины с такой тонкой костью и пожилой, как ваша жена, быть такой сильной.

– К старому терновнику...

– Она только что туда отправилась, сэр. Но это точно дьявол, поэтому, если пойдете за ней, берегитесь, чтобы не споткнуться или не порезаться об отравленный чертополох, потому что рана может никогда не зажить.

Аксель приложил все силы, чтобы скрыть от женщин свое раздражение, и вежливо ответил:

– Благодарю вас, дамы. Пойду посмотрю, что на уме у моей жены. Простите.

Для жителей нашей деревни выражение «старый терновник» обозначало как само терновое дерево, будто выросшее прямо из камня на краю выступа скалы в нескольких минутах ходьбы от норы, так и живописное место, украшением которого дерево являлось. В солнечный день, если не было сильного ветра, там можно было приятно провести время.

Перед глазами открывался отличный вид на окрестные земли вплоть до самой реки, на ее изгиб и расстилавшиеся за ним болота. По воскресеньям вокруг кряжистых корней часто играли дети, иногда отважно прыгая с края уступа, обрыв под которым, по правде сказать, был совсем невысоким, и ребенок не мог пострадать, а просто скатился бы, как бочонок, по травянистому склону. Но утром на неделе, когда и взрослые, и дети были заняты работой, это место должно было пустовать, и Аксель, поднимаясь сквозь хмарь вверх по склону, вовсе не удивился, увидев, что женщины там совсем одни, выделяясь на фоне белесого неба черными силуэтами. Действительно, незнакомка, сидевшая, прислонившись спиной к скале, была одета престранным образом. По крайней мере, с расстояния ее плащ казался сделанным из множества сшитых вместе лоскутков и полоскался на ветру, придавая своей владелице сходство с огромной, собирающейся взлететь птицей. Рядом с ней Беатриса – по-прежнему стоявшая, хотя и наклонив голову в сторону собеседницы, – казалась маленькой и незащищенной. Обе были поглощены разговором, но, увидев подходившего снизу Акселя, замолчали и уставились на него. Потом Беатриса подошла к краю утеса и крикнула:

– Стой там, муж, ни шагу дальше! Я сама к тебе подойду. Только не лезь сюда и не нарушай покой этой бедной женщины, которая только что присела дать отдых ногам и перекусить вчерашним хлебом.

Аксель стал ждать, как ему было сказано, и вскоре увидел, как жена спускается по длинному проселку к месту, где он остановился. Она подошла к нему вплотную и, без сомнения, заботясь о том, чтобы ветер не донес их слова до странницы, тихо сказала:

– Муж мой, это те глупые женщины послали тебя за мной? Когда я была в их возрасте, страх и нелепые поверья были уделом старух, которые считали каждый камень проклятым, а каждую бродячую кошку – злым духом. Но вот я сама состарилась, и оказывается, что это молодые забивают себе головы глупостями, словно никогда не слышали обет Господа всегда идти подле нас. Посмотри на эту бедную странницу, убедись сам, какая она усталая и одинокая, ведь она уже четыре дня бродит по лесам и полям, от деревни к деревне, и отовсюду ее гонят. И ведь идет она по христианской земле, а ее принимают за дьявола или за прокаженную, хотя на ее коже нет и следа проказы. Вот, муж мой, надеюсь, ты пришел не для того, чтобы запретить мне дать бедной женщине утешение и ту жалкую снедь, которую я ей принесла.

– Я бы не стал говорить ничего подобного, принцесса, потому что сам вижу, что ты говоришь правду. Еще по пути сюда я думал, как это постыдно, что мы разучились принимать странников с радушием.

– Тогда возвращайся к своим делам, муж мой, не то тебя опять начнут попрекать, что ты медленно работаешь, и не успеешь оглянуться, как на нас снова натравят детвору, ко-

торая будет нас дразнить.

– Никто никогда не попрекал меня за медленную работу, принцесса. С чего ты это взяла? Ни разу не слышал подобных жалоб, и с работой я справляюсь ничуть не хуже любого мужчины, будь он хоть на двадцать лет моложе меня.

– Я просто дразню тебя, муж мой. Твоя правда, никто не жалуется на твою работу.

– Если же дети нас обзывают, то не потому, что я медленно работаю, а потому, что их родители – слишком глупы, а еще вернее, пьяны, чтобы научить их хорошим манерам или уважению.

– Успокойся, муж мой. Сказала же, я просто тебя поддразнила и больше не буду. Незнакомка рассказывает мне кое-что прелюбопытное, может, когда-нибудь тебе тоже будет интересно об этом узнать. Но ей нужно закончить рассказ, поэтому прошу еще раз, поспеши по своим делам и оставь меня с ней, чтобы я ее выслушала и утешила, чем могу.

– Прости, принцесса, если я был с тобою груб.

Но Беатриса уже повернулась и поднималась обратно по тропинке, ведущей к терновому дереву и фигуре в развевающемся плаще.

Немного погодя, когда Аксель, выполнив поручение, возвращался в поле, он, рискуя терпением товарищей, отклонился с пути, чтобы снова пройти мимо старого терновника. Дело в том, что полностью разделяя презрение жены к подозрительности деревенских женщин, Аксель не мог изба-

виться от мысли, что странница действительно представляла угрозу, и ему было не по себе с тех пор, как он оставил Беатрису в ее обществе. Поэтому, увидев на холме перед скалой одинокую фигуру жены, глядящую в небо, он вздохнул с облегчением. Она казалась погруженной в раздумья и не замечала его, пока он ее не окликнул. Пока Аксель смотрел, как она спускается по тропе – медленнее, чем в прошлый раз, – ему уже не впервые пришло в голову, что с недавних пор в ее походке что-то изменилось. Она не то чтобы хромила, но словно пыталась скрыть какую-то тайную боль. Когда она приблизилась, Аксель спросил, что случилось с ее странной спутницей, но Беатриса ответила лишь:

– Пошла своей дорогой.

– Она наверняка благодарна тебе за доброту, принцесса. Долго ты с ней говорила?

– Да, и у нее было что рассказать.

– Вижу, то, что она сказала, беспокоит тебя, принцесса. Возможно, те женщины были правы, и от нее стоило держаться подальше.

– Она вовсе не расстроила меня, Аксель. Просто заставила задуматься.

– Странное у тебя настроение. Ты уверена, что она не наложила на тебя никакого заклятия, прежде чем исчезнуть?

– Дойди до терновника, муж мой, и увидишь ее на тропе, она еще не успела уйти далеко. Надеется, что по ту сторону горы будут щедрее на подаяние.

– Ну, раз ничего плохого не приключилось, принцесса, я тебя оставляю. Господь порадуетя твоей бесконечной доброте.

Но на этот раз жене явно не хотелось его отпускать. Беатриса схватила Акселя за руку, как будто для того, чтобы восстановить равновесие, а потом положила голову ему на грудь. Его рука словно непроизвольно поднялась погладить ее спутанные от ветра волосы, и, опустив взгляд на жену, Аксель с удивлением обнаружил, что ее глаза по-прежнему широко открыты.

– Странное у тебя настроение, странное. Чего та незнакомка тебе наговорила?

Беатриса задержала голову на его груди еще на миг. Потом выпрямилась и отпустила его.

– Аксель, я тут подумала, и мне кажется, что в том, что ты всегда говоришь, что-то есть. Чудно, что все забывают друг друга и то, с чем имели дело только вчера или днем раньше. Нас всех словно поразила неведомая болезнь.

– Именно так, принцесса. Взять хотя бы ту рыжеволосую женщину...

– Оставь ты в покое рыжеволосую, Аксель. Мы не помним много чего другого.

Все это Беатриса сказала, глядя в окутанную хмарью даль, но теперь она посмотрела в упор на мужа, и взгляд ее был исполнен печали и острой тоски. Тогда-то – он был в этом уверен, – она и сказала:

– Знаю, Аксель, ты всегда этому противился. Но пришло время снова подумать об этом. Мы должны отправиться в путь, и откладывать больше нельзя.

– В путь, принцесса? Куда же?

– В деревню нашего сына. Это недалеко, муж мой, мы оба это знаем. Даже нашим медленным шагом идти туда не больше нескольких дней, за Великую Равнину и чуть на восток. И весна уже скоро.

– Конечно, принцесса, мы можем отправиться в путь. Это рассказ странницы натолкнул тебя на эту затею?

– Аксель, эта затея пришла мне в голову давным-давно, а рассказ той бедняжки убедил меня, что медлить больше нельзя. Сын ждет нас у себя в деревне. Сколько еще нам заставлять его ждать?

– Принцесса, весной мы обязательно подумаем о таком путешествии. Но почему ты говоришь, что я всегда ему противился?

– Сейчас мне не припомнить всего, что было между нами по этому поводу, Аксель. Только то, что ты всегда этому противился, а мне очень этого хотелось.

– Что ж, принцесса, давай вернемся к этому разговору, когда у нас не будет срочной работы и соседей, готовых называть нас лентяями. Я пойду. Скоро мы все обсудим.

Но в последующие дни, даже если мысль о путешествии и приходила им в головы, супруги ни разу по-настоящему о нем не заговорили. Всякий раз, когда разговор поворачи-

вался в эту сторону, им становилось до странного неловко, и вскоре между ними, как это бывает между мужем и женой, много лет прожившими вместе, установилось молчаливое согласие по возможности избегать этой темы. Я говорю «по возможности», потому что время от времени у одного из них возникала нужда – импульсивное желание, если угодно, – которой они были вынуждены уступать. Но любые их беседы в подобных обстоятельствах быстро заканчивались уклончивостью или плохим настроением. А когда Аксель напрямик спрашивал жену о том, что сказала ей странница у старого терновника, лицо Беатрисы мрачнело, и казалось, что она вот-вот расплачется. В итоге Аксель стал избегать любого упоминания о незнакомке.

Спустя какое-то время Аксель уже не мог вспомнить, с чего вообще начался разговор о путешествии и в чем было его назначение. Но этим утром, пока он сидел на предрассветном холоде, его память пусть и немного, но прояснилась, и многое вернулось к нему: рыжеволосая женщина, Марта, незнакомка в черных лохмотьях и другие воспоминания, которые мы оставим за пределами нашего повествования. И ему живо припомнилось, что произошло всего несколько недель назад – в то воскресенье, когда у Беатрисы отобрали свечу.

Воскресенье было для жителей деревни днем отдыха, по крайней мере, в том смысле, что им не приходилось работать в поле. Но скотину все равно нужно было кормить, да и дру-

гих дел хватало, поэтому священник смирился с невозможностью наложить запрет на все, что можно было бы счесть трудом. Так что, когда в то самое воскресенье Аксель выбрался на весеннее солнце, проведя утро за починкой сапог, его глазам предстали соседи, рассеявшиеся перед норой – кто на кусочках дерна, кто на скамеечках или бревнах – и коротавшие время за беседой, смехом и работой. Повсюду играли дети, а вокруг двух мужчин, мастеровивших на траве колесо для телеги, собралась кучка любопытных. Это было первое воскресенье в этом году, когда погода позволила заняться подобным делом, и атмосфера была почти праздничная. Тем не менее, стоя у входа в нору и глядя мимо своих соплеменников туда, где земля уходила вниз к болотам, Аксель увидел поднимающуюся хмарь и пришел к заключению, что после полудня их снова накроет серая морось.

Аксель простоял так достаточно долго, пока его внимание не привлекла суматоха у ограждения перед пастбищем. Сначала он не нашел в ней ничего интересного, но тут ветер донес до его ушей нечто, заставившее его распрямиться. Потому что если зрение у Акселя с годами и ослабло, что немало его раздражало, то слух оставался ему верен, и в беспорядочных криках, доносившихся из толпы у забора, он разобрал голос Беатрисы, возвещавший о том, что она попала в беду.

Остальные тоже побросали дела, чтобы взглянуть, что происходит. Но Аксель уже спешил сквозь толпу, чудом оглябая бродивших всюду детей или брошенные на траву пред-

меты. Однако прежде, чем он успел добраться до маленького людского клубка, тот вдруг распался и из его сердцевины выпала Беатриса, обеими руками прижимая что-то к груди. По лицам окружающих было видно, что происходящее их в основном забавляет, но тут из-за плеча жены выскочила женщина – вдова кузнеца, умершего год назад от лихорадки, – с лицом, перекошенным от ярости. Беатриса отбивалась от своей мучительницы, сохраняя на лице суровую, лишенную всякого выражения маску, но, увидев спешившего к ней Акселя, расчувствовалась.

Теперь, когда Аксель об этом вспоминал, ему казалось, что лицо жены тогда прежде всего выражало огромное облегчение. Не то чтобы Беатриса верила, что с его появлением все закончится благополучно, но его присутствие означало, что расстановка сил изменилась. Она посмотрела на него не просто с облегчением, а почти с мольбой и протянула ему предмет, который так ревностно защищала.

– Она наша, Аксель! Нам больше не придется сидеть в темноте. Бери ее побыстрее, муж мой, она наша!

Беатриса протягивала ему короткую, бесформенную свечу. Вдова кузнеца снова попыталась ее выхватить, но Беатриса оттолкнула тянущуюся к ней руку.

– Возьми ее, муж мой! Вот эта девочка, малышка Нора, принесла ее мне сегодня утром, она сама ее сделала, поняв, что мы устали коротать ночи во тьме.

На это раздался новый взрыв криков и даже хохота. Но Бе-

атриса продолжала смотреть на Акселя, и в ее взгляде сквозили доверие и настойчивая мольба, и именно ее лицо, каким оно было в тот миг, первым возникло у него перед глазами в это утро, когда он сидел, ожидая рассвета, на скамье у входа в нору. Как он мог это позабыть, ведь все случилось не больше трех недель назад? Как получилось, что до сегодняшнего дня он ни разу об этом не вспомнил?

Аксель протянул руку, но ему не удалось схватить свечу – толпа не давала ему до нее дотянуться, – и тогда он сказал, громко и уверенно:

– Не волнуйся, принцесса. Ты только не волнуйся.

Аксель понимал, как мало в этих словах было смысла, поэтому очень удивился, когда толпа затихла, и даже вдова кузнеца отступила назад. Только тогда он понял, что силу возымели не его слова, а появление у него за спиной священника.

– Что это за выходки в Божий день? – Священник широкими шагами прошел мимо Акселя и свирепо глянул на разом примолкшую толпу. – Ну?

– Это все госпожа Беатриса, сэр, – сказала вдова кузнеца. – Она раздобыла свечу.

Лицо Беатрисы снова превратилось в напряженную маску, но она выдержала взгляд священника.

– Вижу, что это правда, госпожа Беатриса. Но ведь вы помните, что совет постановил, что вам с мужем запрещено жечь свечи у себя в комнате.

– Ни он, ни я в жизни еще ни одной свечи не опрокинули,

сэр. Мы отказываемся ночь за ночью сидеть в темноте.

– Таково решение, и вы будете ему подчиняться, пока совет его не отменит.

Аксель увидел, как ее глаза вспыхнули гневом.

– Это просто бессердечие. Вот что это такое, – она произнесла это тихо, словно выдохнув, но в упор глядя на священника.

– Отберите у нее свечу, – потребовал тот. – Делайте, как я сказал. Отберите.

К Беатрисе потянулось несколько рук, но Акселю показалось, что она не совсем поняла, что сказал священник. Потому что продолжала стоять в центре давки с непонимающим взглядом, все так же вцепившись в свечу, словно повинувшись позабытому инстинкту. Потом Беатрису охватила паника, и она снова было протянула свечу Акселю, но пошатнулась под напором толпы. Не упав из-за плотно окруживших ее односельчан, Беатриса пришла в себя и снова протянула свечу мужу. Аксель попытался схватить ее, но свеча исчезла в чужой руке, и тут же прогремел голос священника:

– Довольно! Оставьте госпожу Беатрису с миром, и чтобы никто не смел сказать ей дурного слова. Она старая женщина и не понимает всего, что творит. Довольно, я сказал! Не подобает так вести себя в Божий день.

Наконец, дотянувшись до Беатрисы, Аксель заключил ее в объятия, и толпа постепенно рассеялась. Когда он вспоминал тот миг, ему казалось, что они простояли так очень долго,

обнимая друг друга, и она положила голову ему на грудь, так же, как в день появления странницы, словно просто устала и хочет перевести дух. Он все держал ее, и священник снова велел толпе разойтись. Когда они наконец отстранились друг от друга и осмотрелись, то обнаружили, что стоят в одиночестве рядом с коровьим пастбищем с деревянными воротами, запертыми на перекладину.

– Да разве это важно, принцесса? На что нам сдалась свеча? Мы отлично привыкли обходиться без нее. И разве не хватает нам беседы для развлечения, со свечой или без?

Аксель пристально посмотрел на жену. Беатриса выглядела задумчивой и не особенно расстроенной.

– Мне жаль, Аксель. Свечи больше нет. Мне нужно было держать ее в секрете, чтобы никто, кроме нас, о ней не знал. Но я слишком обрадовалась, когда та девочка принесла ее мне и сказала, что сама ее для нас сделала. А теперь ее больше нет. Ничего страшного.

– Совсем ничего, принцесса.

– Они держат нас за двух дураков, Аксель.

Беатриса шагнула вперед и снова положила голову на грудь мужу. Вот тогда-то она и сказала приглушенным голосом, так что сначала ему показалось, что он ослышался:

– Сын, Аксель. Помнишь нашего сына? Когда сейчас меня толкнули, я вспомнила сына. Красивого, сильного, справедливого. Зачем нам здесь оставаться? Давай уйдем в деревню сына. Он защитит нас и проследит, чтобы никто не обращал-

ся с нами грубо. Ведь столько лет прошло, Аксель, неужто сердце твое не смягчилось? Ты все еще считаешь, что нам нельзя его навестить?

Беатриса сказала это глухо, продолжая прятать лицо на груди мужа, но сказанное разворошило бесчисленные обрывки его памяти, да так сильно, что он чуть не потерял сознание. Ослабив объятия, Аксель шагнул назад в страхе, что пошатнется и жена потеряет из-за него равновесие.

– Что это ты такое говоришь, принцесса? Разве это я противился нашему путешествию в деревню сына?

– Конечно, ты, Аксель. Кто же еще?

– Когда же я возражал против этого путешествия, принцесса?

– Мне всегда казалось, что возражал, муж. Но, ох, Аксель, сейчас, когда ты спросил, я уже и не помню наверняка. И почему это мы стоим здесь в такой-то чудесный день?

Беатриса снова казалась растерянной. Она заглянула Акселю в лицо, потом посмотрела вокруг, заметив прекрасную погоду и соседей, которые снова принялись на них оборачиваться.

– Пойдем посидим в комнате, – сказала она, помедлив. – Побудем немного вдвоем. День прекрасный, спору нет, но что-то я утомилась. Пойдем домой.

– Правильно, принцесса. Присядь и отдохни подальше от этого солнца. Тебе скоро станет лучше.

Обитатели норы начали просыпаться. Уже должны были

отправиться на пастбище пастухи, но Аксель так крепко задумался, что ничего не слышал. Беатриса забормотала на другом конце комнаты, словно собираясь запеть, и перевернулась под одеялами. Распознав эти признаки, Аксель молча подошел к кровати, осторожно сел на край и стал ждать.

Беатриса перевернулась на спину, приоткрыла глаза и посмотрела на Акселя.

– Доброе утро, муж мой, – наконец сказала она. – Рада, что духи не забрали тебя, пока я спала.

– Принцесса, нам надо поговорить.

Беатриса продолжала смотреть на него из-под прикрытых век. Потом села, задев лицом луч, который раньше зацепил паука. Ее седая грива, неубранная и спутанная, свисала с плеч жесткими прядями, но Аксель по-прежнему чувствовал, как при виде жены в утреннем свете у него в сердце шевелится счастье.

– Что такого ты хочешь сказать, Аксель, что не может подождать, пока я не протру глаза?

– Мы как-то говорили с тобой, принцесса, о путешествии, которое могли бы совершить. Вот, пришла весна, и, наверное, самое время отправиться в путь.

– Отправиться в путь, Аксель? Когда же?

– Как только соберемся. Мы уйдем всего на несколько дней. В деревне без нас обойдутся. Со священником мы договоримся.

– Мы пойдем навестить сына, Аксель?

– Именно туда. Навестить сына.

Птицы снаружи запели хором. Беатриса перевела задумчивый взгляд на окно, перед которым завис просочившийся сквозь ткань солнечный свет.

– Бывают дни, когда я отчетливо его помню. А на следующий день на память словно падает пелена. Но наш сын – хороший и добрый человек, в этом я уверена.

– Почему же сейчас он не с нами, принцесса?

– Не знаю, Аксель. Может быть, он поссорился со старейшинами и ему пришлось уйти. Я спрашивала у соседей, но никто его не помнит. Но он бы не сделал ничего такого, что покрыло бы его позором, в этом я не сомневаюсь. Разве ты сам ничего не помнишь, Аксель?

– Когда я сидел снаружи, то попытался спокойно припомнить все, что можно, и многое ко мне вернулось. Но я не могу вспомнить сына, ни лица, ни голоса, хотя иногда мне кажется, что я вижу его, каким он был когда-то в детстве, как я веду его за руку по берегу реки или как я тяну к нему руки, когда он как-то раз заплакал, чтобы успокоить. Но как он теперь выглядит, где живет, есть ли у него собственный сын, я вовсе не помню. Я надеялся, что ты вспомнишь больше, принцесса.

– Он наш сын, поэтому я его чувствую, даже если память меня подводит. И я знаю, что он ждет не дождется, когда мы уйдем отсюда и заживем под его крылом.

– Он наша плоть и кровь, так с чего бы ему противиться

нашему воссоединению?

– Но я все равно буду скучать по дому. По нашей комнатке и деревне. Не так-то легко сдвинуться с места, где прожил всю жизнь.

– Никто не просит нас поступать необдуманно, принцесса. Пока я сидел, дожидаясь восхода солнца, мне подумалось, что нужно сходить в деревню к сыну и поговорить с ним. Потому что даже родителям нельзя явиться как снег на голову и потребовать, чтобы вся деревня их приняла.

– Твоя правда, муж мой.

– Меня еще кое-что беспокоит, принцесса. Его деревня может быть в нескольких днях пути, как ты и говоришь. Но как мы узнаем, где именно ее искать?

Беатриса молчала, глядя прямо перед собой, и ее плечи чуть приподнимались в такт дыханию.

– Думаю, мы легко отыщем дорогу, Аксель, – наконец сказала она. – Даже если мы пока не знаем, в какой именно деревне он живет, мы с товарками часто бывали в соседних селениях, торгуя медом и оловом. Да я с завязанными глазами дойду до Великой Равнины и до саксонской деревни, где мы часто останавливались на привал. Деревня нашего сына всего лишь чуть дальше, и мы без труда ее отыщем. Аксель, мы правда скоро туда пойдем?

– Да, принцесса. Начнем собираться сегодня же.

Глава 2

Однако прежде, чем отправиться в путь, супругам пришлось переделать много дел. В такой деревне, как у них, многие вещи, необходимые в путешествии, – одеяла, фляги для воды, трут – находились в общем пользовании, и, чтобы заполучить их себе, пришлось долго рядиться с соседями. Более того, и на Акселе, и на Беатрисе, несмотря на преклонный возраст, лежали ежедневные обязанности, и они не могли просто уйти, не получив на то согласия общины. А когда они наконец-то были готовы отправиться в путь, испортилась погода, снова их задержав. Ибо какой смысл терпеть ненастье в виде тумана, дождя и холода, когда стоит чуток подождать, и снова выглянет солнце?

Но в конце концов в одно ясное утро, когда по небу плыли белоснежные облака и дул свежий ветер, супруги отправились в путь с дорожными посохами в руках и котомками за спинами. Аксель хотел выступить с рассветом – у него не было сомнений, что день будет ясным, – но Беатриса стояла на том, чтобы дожидаться, пока солнце взойдет повыше. Она уверяла, что до саксонской деревни, где они собирались укрыться в первую ночь, не больше дня пешим ходом, а границу Великой Равнины им уж точно следовало пересечь как можно ближе к полудню, когда обитающие там темные силы сморит сон.

Супруги уже давненько никуда не ходили вместе, и Аксель тревожился, хватит ли жене сил. Но уже через час он успокоился: несмотря на медленный шаг – он снова заметил, что при ходьбе Беатриса немного припадает на одну ногу, словно стараясь смягчить боль, – она шла вперед уверенно, пригибая голову от ветра на открытой равнине и бесстрашно сражаясь с чертополохом и молодой лесной порослью. Когда дорога шла в гору или была такой грязной, что было трудно вытаскивать ноги, она сбавляла шаг, но продолжала идти вперед.

В дни, предшествовавшие выходу, Беатриса все больше уверялась, что помнит путь, по крайней мере до саксонской деревни, которую она уже много лет часто навещала вместе с другими крестьянками. Но, стоило им потерять из виду скалистые горы над их поселением и пересечь долину за болотом, как уверенности у нее поубавилось. На развилках или у открытого всем ветрам поля Беатриса останавливалась и долго стояла, окидывая окрестности взглядом, в котором сквозила паника.

– Не волнуйся, принцесса, – твердил Аксель в таких случаях. – Не волнуйся и никуда не спеши.

– Но, Аксель, – отвечала она, оборачиваясь к нему, – нам надо спешить. Если мы хотим избежать опасности, нужно пересечь Великую Равнину к полудню.

– Мы будем там вовремя, принцесса. Никуда не спеши.

Я мог бы отметить, что в те времена ориентироваться на

открытой местности было намного труднее, и не только за неимением надежных компасов и карт. Не было еще зеленых изгородей, которые сегодня так удобно делят уголья на поля, дороги и луга. Путешественник в те времена зачастую оказывался посреди безликого пейзажа, практически неизменного, в какую сторону ни глянь. Ряд стоячих камней на горизонте, поворот реки, перепад высоты на дне долины – при прокладке маршрута приходилось полагаться только на такие ориентиры. И неверный поворот часто приводил к гибельным последствиям. Не считая возможности сгинуть от непогоды, сбиться с пути означало неминуемо подвергнуться риску нападения со стороны человека, зверя или существа сверхъестественного, которые устраивали засады в стороне от торных дорог.

Возможно, вы бы удивились тому, как мало Аксель с Беатрисой беседовали по пути, ведь у наших супругов всегда хватало тем для разговоров. Но в те времена, когда сломанная лодыжка или воспалившаяся царапина могли стоить жизни, считалось естественным уделять все внимание ходьбе. Возможно, вы бы также заметили, что всякий раз, когда тропа становилась слишком узкой, чтобы идти по ней рядом, первой шла именно Беатриса, не Аксель. Это тоже могло вас удивить, ведь считается, что мужчине больше пристало первым ступить на таящую неведомые опасности землю, и, разумеется, в лесу или там, где можно было повстречать волка или медведя, они бы без лишних слов поменялись местами.

Но в большинстве случаев Аксель следил, чтобы жена шла первой, потому что каждое чудище или злой дух, которые могли им повстречаться, обычно выбирали для нападения того, кто шел последним, – думаю, примерно так же большие кошки преследуют антилопу, замыкающую стадо. Частенько бывало, что путник, оглянувшись за идущего следом товарища, обнаруживал, что тот бесследно исчез. Именно боязнь подобного происшествия заставляла Беатрису то и дело переспрашивать на ходу: «Аксель, ты еще здесь?» На что тот неизменно отвечал: «Здесь, принцесса».

Супруги достигли Великой Равнины, когда утро было уже на исходе. Аксель предложил продолжать путь, чтобы побыстрее пройти это опасное место, но Беатриса настояла, чтобы дождаться полудня. Они сели на камень на вершине склона, спускающегося к равнине, и принялись наблюдать за укоротившимися тенями посохов, воткнув их перед собой в землю.

– Небо, может, и чистое, Аксель. И я никогда не слышала, чтобы в этом уголке равнины с кем-нибудь приключилось что-то дурное. И все же давай дождемся полудня, тогда никому дьяволу уж точно не придет в голову выскакивать и глазеть на нас.

– Подождем, как скажешь, принцесса. И ты права, Великая Равнина есть Великая Равнина, пусть здесь и царит благодать.

Какое-то время они сидели молча, рассматривая рассти-

лавшийся перед ними пейзаж. Тишину нарушила Беатриса:

– Аксель, когда мы встретимся с сыном, он обязательно станет настаивать, чтобы мы остались жить в его деревне. Разве не странно будет покинуть соседей, с которыми мы прожили столько лет, путь даже они и осыпают насмешками наши седые головы?

– Ничего еще не решено, принцесса. Вот увидимся с сыном, все и обсудим. – Аксель продолжал задумчиво смотреть на Великую Равнину. Потом покачал головой и тихо сказал:

– Это так странно, что я совершенно его не помню.

– Кажется, прошлой ночью он мне приснился. Он стоял у колодца и, чуть повернувшись в сторону, кого-то звал. Что было до и после, не помню.

– По крайней мере, ты его видела, принцесса, пусть и во сне. Какой он был?

– Помню, лицо у него решительное и красивое. Что до цвета глаз, формы скул – их я не запомнила.

– Я совсем не помню его лица. Наверное, это из-за хмари. Я многое был бы рад в нее опустить, но не иметь возможности воскресить такое драгоценное воспоминание – мучительно.

Беатриса придвинулась ближе к мужу и положила голову ему на плечо. Под жестокими порывами ветра ее плащ распахнулся. Обняв ее, Аксель поймал хлопающий край и плотнее его запахнул.

– Ну, мне кажется, один из нас обязательно его вспомнит,

и очень скоро.

– Давай попробуем, Аксель. Давай попробуем вместе. Это все равно как если бы мы задевали куда-то драгоценный камень. Но мы его обязательно отыщем, если будем искать вместе.

– Конечно отыщем, принцесса. Но, смотри, тени почти исчезли. Пора спускаться.

Беатриса выпрямилась и начала копать в своей котомке.

– Вот, возьмем это.

Она вручила ему нечто, с виду напоминающее две гладкие гальки, но, присмотревшись, он заметил на каждой из них затейливую резьбу.

– Положи их себе за пояс, Аксель, так, чтобы знаки смотрели наружу. Это поможет Господу нашему Иисусу Христу нас защитить. А эти я возьму себе.

– Мне хватит и одного, принцесса.

– Нет, Аксель, поделим их пополам. Вот, помнится, там есть тропа, и, если дождь ее не размыл, идти будет много легче, чем до сих пор. Но есть место, где следует быть осторожными. Аксель, ты слушаешь? Там, где тропа проходит над могилой великана. Для тех, кто ничего об этом не знает, это просто обычный холм, но я подам тебе знак, и, когда ты его увидишь, нужно будет сойти с тропы и обойти холм по краю, пока мы не выйдем на ту же тропу, когда она пойдет вниз. Топтать такую могилу добра не принесет, будь то в полдень или нет. Ты хорошо меня понял, Аксель?

– Не волнуйся, принцесса, я очень хорошо тебя понял.

– Не стоит и напоминать: если нам встретится незнакомец, не важно, будет ли он стоять у нас на пути или окликнет с расстояния, или несчастный зверь, который попал в капкан или лежит в канаве раненый, или что-то еще, бросающееся в глаза, не говори ни слова и не замедляй шаг.

– Я не дурак, принцесса.

– Ну, тогда, Аксель, нам пора.

Как и обещала Беатриса, пройти по Великой Равнине требовалось только совсем немного. Тропа, пусть временами и тонувшая в грязи, оставалась хорошо видна и никогда не уводила их с солнца. Спустившись поначалу, дальше она все время вела вверх, пока супруги не обнаружили, что идут вдоль высокого горного края, а по обе стороны от них расстилаются вересковые пустоши. Дул жестокий ветер, но с ним вполне можно было смириться, потому что он служил противовесом полуденному солнцу. Земля вокруг сплошь поросла вереском и можжевельником, никогда не поднимавшимися выше колен, и только иногда взгляд цеплялся за дерево, всякий раз одинокое, похожее на старую каргу, чья спина согнулась от постоянного ветра. Потом справа показалась долина, напомнив о мощи и тайнах Великой Равнины и о том, что им выпало пересечь всего лишь маленький ее уголок.

Супруги шли гуськом, вплотную друг к другу, Аксель едва не наступал жене на пятки. Но всю дорогу Беатриса то и

дело вопрошала, словно читала литанию: «Аксель, ты еще здесь?» – на что тот отвечал: «Здесь, принцесса». За исключением этих ритуальных реплик, они хранили молчание. Даже когда супруги достигли кургана, под которым был погребен великан, и Беатриса замахала руками, указывая, что нужно сойти с тропы в вереск, они размеренным тоном продолжали переключку, словно для того, чтобы обмануть злых духов, вздумай те их подслушивать. Аксель все время следил, не надвигается ли хмарь и не темнеет ли небо, но ни на что подобное не было и намек, а вскоре и вся Великая Равнина осталась позади. Пока супруги карабкались вверх через пролесок, наполненный щебетанием певчих птиц, Беатриса молчала, но Аксель заметил, что жена как-то расслабилась и уже не казалась такой отстраненной.

Супруги сделали привал у ручья, где помыли ноги, поели хлеба и наполнили фляги. Дальше их путь лежал по длинной просевшей дороге, оставшейся от римлян, окаймленной дубами и вязами, – идти по ней было гораздо легче, хотя при этом требовалось остерегаться других путников, которые неминуемо должны были им встретиться. И действительно, в первый же час им встретились женщина с двумя детьми, мальчик со стадом ослов и двое странствующих жонглеров, спешивших догнать свою труппу. Каждый раз путники останавливались, чтобы обменяться любезностями, но однажды, услышав приближавшийся грохот колес и копыт, спрятались в канаве. Грохот тоже оказался безобидным – это

была повозка с лошастью, доверху полная дров, которой правил крестьянин-сакс.

После полудня в небе принялись сгущаться тучи, как бы ненароком возвещая бурю. Супруги отдыхали под раскидистым дубом, повернувшись спиной к дороге и укрывшись от других путников. Перед ними расстился широкий простор, поэтому они тут же заметили надвигающиеся перемены.

– Не волнуйся, принцесса. Под этим деревом мы укроемся и переждем дождь, пока не вернется солнце.

Но Беатриса уже поднялась на ноги, подалась вперед и приложила ладонь козырьком ко лбу.

– Я вижу, что дорога поворачивает, Аксель. И тут неподалеку есть старая вилла. Как-то раз нам с товарками случилось в ней укрыться. Развалина развалиной, конечно, но крыша тогда была еще цела.

– Успеем ли мы добраться до нее до того, как разразится буря, принцесса?

– Успеем, если пойдем прямо сейчас.

– Тогда поспешим. Нет никакого резону простудиться до смерти, промокнув до костей. А в кроне этого дерева, как я посмотрю, полно дыр, сквозь которые отлично видно все небо над головой.

Разрушенная вилла оказалась дальше от дороги, чем запомнилось Беатрисе. Уже упали первые капли дождя, небо над головой стремительно темнело, а супруги все брели по узкой тропинке по пояс в крапиве, которую приходилось отбивать посохами. С дороги руины было хорошо видно, но остальную часть пути они все больше скрывались за деревьями и зелеными зарослями, поэтому, когда они вдруг выросли прямо перед ними, путники испытали облегчение и потрясение одновременно.

Во времена римлян вилла наверняка была великолепна, но теперь от здания осталась только малая часть. Когда-то богато украшенные полы, предоставленные непогоде, были покорежены стоячими лужами, сквозь поблекшие плитки пробивалась сорная трава. Остатки стен, местами лишь по щиколотку высотой, открывали взгляду прежнюю планировку комнат. В уцелевшую часть здания вела каменная арка, и Аксель с Беатрисой осторожно приблизились к ней и прислушались на пороге. Наконец Аксель позвал: «Есть здесь кто-нибудь?» И, когда ответа не последовало, добавил: «Нас тут двое стариков-бриттов, мы ищем укрытия от грозы. Мы пришли с миром».

Ответом было молчание, и супруги вошли через арку в сумрак того, что когда-то должно было служить коридором.

Коридор вел в залитую серым светом просторную комнату, хотя и в ней одна из стен была полностью разрушена. Соседняя комната совершенно исчезла, и внутри настойчиво лез вечнозеленый кустарник, сдерживаемый только остатками пола. Однако три оставшихся стены, над которыми даже сохранился потолок, могли послужить укрытием. Здесь, у закопченной каменной кладки, оставшейся от когда-то побеленных стен, на некотором расстоянии друг от друга находились две темные фигуры, стоящая и сидящая.

На выпавшем из кладки камне сидела маленькая, похожая на птицу старуха, возрастом старше Акселя с Беатрисой, в черном плаще, капюшон которого был сдвинут назад, давая рассмотреть выдубленное годами лицо. Глаза у нее запали так глубоко, что их почти не было видно. Сгорбленная спина едва касалась стены. У нее на коленях что-то копошилось, и Аксель разглядел крепко зажатого в костлявых руках кролика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.